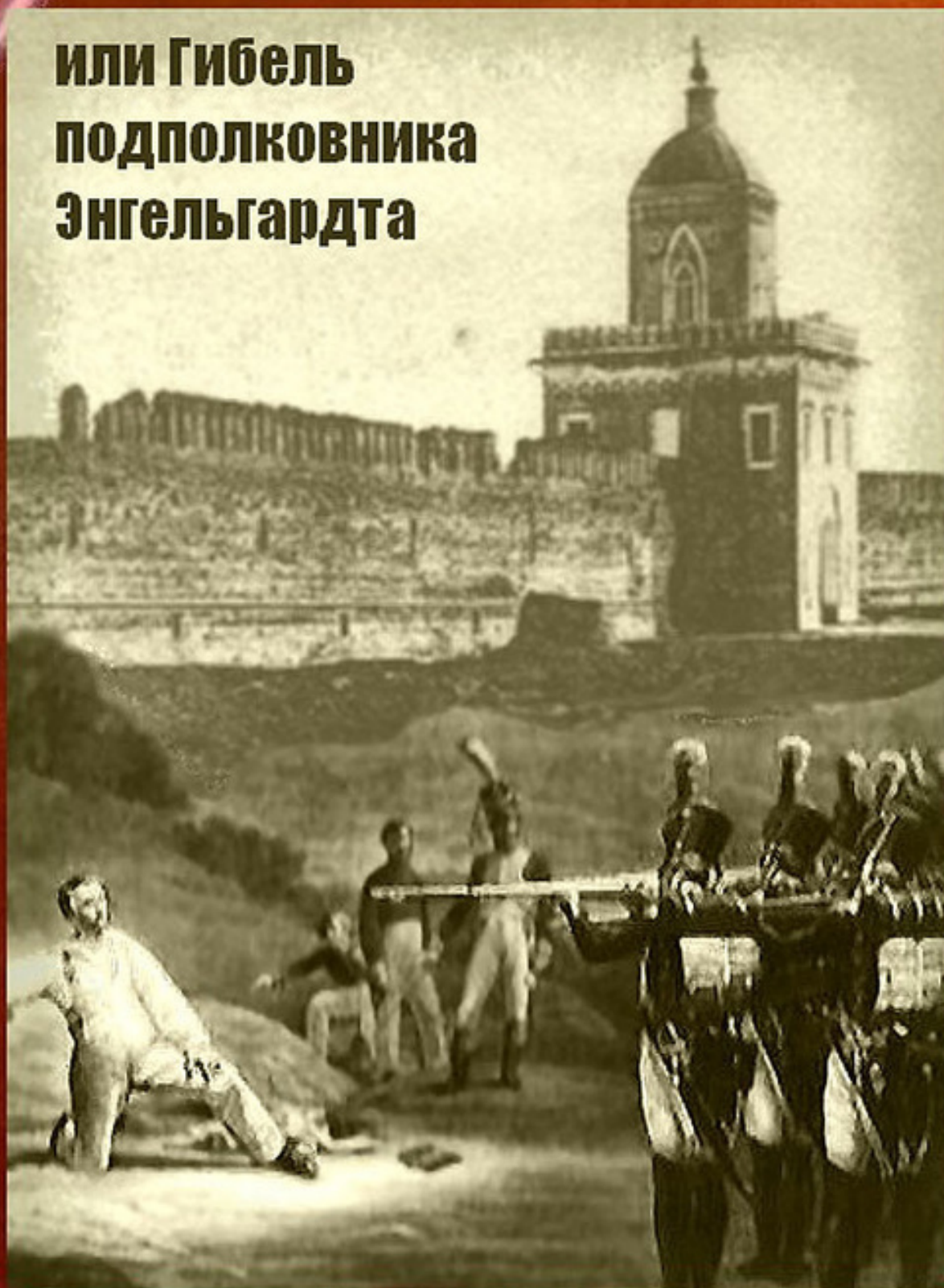

Ефим КУРГАНОВ

ПЕРВЫЕ ПАРТИЗАНЫ

**или Гибель
подполковника
Энгельгардта**

@ЭЛИТА

12+

Ефим Курганов

**Первые партизаны, или Гибель
подполковника Энгельгардта**

Электронное издательство "Аэлита"

2012

Курганов Е. Я.

Первые партизаны, или Гибель подполковника Энгельгардта /
Е. Я. Курганов — Электронное издательство "Аэлита", 2012

Мы привыкли во многом воспринимать партизанскую войну 1812 году по «Войне и миру». Но великий Лев Толстой создал художественно безупречное, но во многом идеализированное представление о дубине народной войны. В реальности всё было не так просто и по-настоящему страшно. Как в действительности начиналось партизанское движение в 1812 года, читатель сможет узнать из предлагаемой книги. В основе её громкая некогда история подполковника Павла Энгельгардта, создавшего из своих крестьян партизанский отряд, с которым ловил и уничтожал солдат и офицеров «Великой армии». Крестьяне же не хотели воевать и ждали выгод от нового французского начальства. Они донесли в Смоленск оккупационным властям, что барин их вынуждает убивать французов. Энгельгардт был схвачен, предан суду и казнён. Император Александр I объявил его национальным героем. Памятник на месте казни Энгельгардта, возведённый по личному распоряжению Николая I, после революции был уничтожен. Остались лишь старые открытки и факты, которые не должны быть забыты.

© Курганов Е. Я., 2012

© Электронное издательство
"Аэлита", 2012

Содержание

Пролог	6
От публикатора	8
Из «старых смоленских хроник»	9
Тетрадь первая. Государь прибывает в Смоленск	10
Глава первая. 9 июля	10
Глава вторая. 9 июля (окончание)	15
Глава третья. 10 июля	19
Глава четвёртая. Отступление первое о братьях Лесли: штаб-ротмистр Александр Лесли	23
Глава пятая. Отступление второе о братьях Лесли: поручик Пётр Лесли и партизанская война	25
Глава шестая. Ещё о братьях Лесли и партизанской войне 1812 года	29
Глава седьмая. 11 июля	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ефим Курганов

Первые партизаны, или Гибель подполковника Энгельгардта

© ЭИ «@элита» 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Рукопись, обнаруженная в библиотеке Смоленского Авраамиевского монастыря

*ВСЁ ТАК И БЫЛО. ВЫДУМЫВАТЬ НЕ ПРИШЛОСЬ НИЧЕГО.
ДЛЯ ФАНТАЗИИ МЕСТА НЕ НАШЛОСЬ. ВСЕ ДОКУМЕНТЫ,
СОБЫТИЯ, ИМЕНА – СОВЕРШЕННО РЕАЛЬНЫЕ.
АВТОР*

Пролог

У деревеньки Ляхово Смоленского уезда Смоленской же губернии 28 октября 1812 года произошла грандиозная партизанская битва, уникальная для той войны.

Партизаны, нападавшие, как правило, ночью и с тылу, тут сошлись в открытом бою с частями сводной дивизии генерала Бараге д'Ильера.

Казачьи полки атаковали неприятеля, преследовали 15 верст, загнали в болото и уничтожили. При этом были захвачены обозы, транспорт с фуражом и провиантом и 700 кирасир. Артиллеристы из отряда Сеславина подорвали у неприятеля патронные ящики. Генерал Ожера, под началом которого находилось более тысячи человек пехоты и два эскадрона егерей, сдался партизану Фигнеру. Сеславин захватил одного генерала, шестьдесят одного обер-офицера и тысячу шестьсот пятьдесят солдат.

Партизанские партии Давыдова, Сеславина и Фигнера соединились у деревеньки Дубашицы ещё 24 октября, обнаружили сводную дивизию французов, призвали на помощь казачий корпус Орлова-Денисова и решили атаковать. Вот краткая предыстория этой грандиозной партизанской битвы.

Когда произошло соединение упомянутых отрядов, Денис Давыдов впервые сошелся в беседе со знаменитым партизаном и разведчиком Александром Самуиловичем Фигнером, и даже вышел у них весьма горячий спор.

Александр Самуилович, при всех блистательнейших военных дарованиях (и не только военных, кстати: он потрясающе владел не только французским, но и итальянским, польским, немецким, что позволяло ему под видом польского или итальянского офицера разгуливать по захваченной врагом Москве), был известен ещё и тем, что он расстреливал и вешал захваченных в плен захватчиков сотнями, и не знал пощады, действуя не по душевному порыву, а обдуманно.

И, кстати, поводом к встрече послужило то, что Фигнер бросился к Давыдову и стал просить, чтобы тот отдал ему своих пленных для «растерзания». Именно так и выразился.

Вот превосходнейший рассказ об этом самого Дениса Давыдова, бывшего не только «поэтом-партизаном», но и неподражаемым рассказчиком:

«Друзья мои, едва только Фигнер узнал об пленных, захваченных моими ахтырскими гусарами, как бросился просить меня, дабы я позволил растерзать их каким-то новым казакам его, кои, как говорил он, ещё не натравлены. Не могу выразить, что почувствовал я противоположности страшных слов сих с красивыми чертами лица Фигнера, с взором его – добрым, ласковым, приятным.

Но как припомнил я превосходные военные дарования его, отважность, предприимчивость, то с нескрываемым сожалением сказал ему: «Любезнейший Александр Самуилович! Прошу тебя, не лишай меня заблуждения. Оставь меня думать, что великодушные есть душа твоих дарований».

Фигнер, не раздумывая, довольно резво и с весьма ехидною улыбкою заметил мне: «Господь с тобою! Да разве ты сам не расстреливаешь?»

Я отвечал решительно и твёрдо: «Да, расстрелял двух изменников отечеству, из коих один был грабитель храма божия. Изменников да мародёров надобно изничтожать, но воинов, взятых в честном бою – мы не имеем такого права. И ещё, Александр Самуилович. Я прощаю смертоубийству, коему причина – заблуждения сердца огненного. Страсть к благу общему, часто вредная, но очаровательная в великодушии своём. И пока вижу в человеке возвышенность чувств, увлекающих его на подвиги отважные, безрассудные и даже бесчеловечные, – я подам, не раздумывая, руку сему благородному чудовищу и готов делить с ним мнение

людей, хотя бы чести его приговор написан был в сердцах всего человечества! Но презираю убийцу по расчётам или по врожденной склонности к разрушению».

Фигнер помолчал, а потом сказал, четко проговаривая каждое слово: «Как бы то ни было, я не стану обременять себя пленными. Так и знай. И ещё? Ты ведаешь, конечно, о судьбе незабвенного Павла Ивановича Энгельгардта, подлю убиенного захватчиками земли нашей. Так вот, это был человек богатырской силы. Он хватал пойманного солдата или офицера «Великой армии» и кидал в болото. Он самолично погубил не одну вражескую душу. И он был прав, ибо враг, преступивший рубеж России, обречен на гибель».

Именно о Павле Ивановиче Энгельгардте и некоторых других первых партизанах 1812 года и пойдет речь в нижеследующем труде и прилагаемых к нему материалах.

С. М.

г. Смоленск.

Генварь месяц 1912 года.

От публикатора

Сколько можно судить, предлагаемый труд, значившийся под заголовком «Старые смоленские хроники», был написан в предъюбилейные месяцы 1912 года, но тогда по неизвестным причинам так и не был отдан в печать. Теперь, наконец-то, рукопись неизвестного автора, скрывшегося за инициалами С. М., дождалась своего обнародования.

Труд этот был, судя по всему, создан одним из смоленских краеведов предреволюционной эпохи (возможно, студентом или даже преподавателем тамошней духовной семинарии, существовавшей при мужском Авраамиевском монастыре) и до сих пор во многих отношениях не утратил своего исторического значения как первый подступ к описанию партизанского движения в Смоленской губернии в 1812 году.

Как рукопись, чисто светская по своему характеру, оказалась в библиотеке Авраамиевского монастыря, объяснить затрудняюсь. Разве что всё дело именно в том, что автор настоящего труда имел прямое отношение к семинарии, устроенной при монастыре, как студент или как преподаватель. По традиции историки Смоленска зачастую являлись духовными лицами.

Ефим Курганов,
доктор философии.

г. Париж.

18 мая 2011 года.

Из «старых смоленских хроник»

Позван я был французами в Спасскую церковь, где содержались под стражею разные плененные русские, в том числе и отставной подполковник Павел Иванович Энгельгардт.

На него показали, что он убивал французских мародёров.

Приговорённого к расстрелянию я исповедал, приобщил святых тайн и проводил на место. За Молоховскими воротами направо, во рву его расстреляли (15 октября) и зарыли, дозволив отслужить по нём панихиду.

Отец Никифор (Мурзакевич),
священник Одигитриевской церкви города Смоленска,
церковный писатель и историк Смоленска.

Кочевье на соломе под крышею неба!

Вседневная встреча со смертью! Неугомонная, залётная жизнь партизанская! Вспоминаю о вас с любовью и тогда, как покой и безмятежие нежат меня, беспечного, в кругу моего семейства! Я счастлив... Но отчего тоскую и теперь о времени, когда голова кипела отважными замыслами и грудь, полная обширнейших надежд, трепетала честолюбием изящным, поэтическим?

Денис Давыдов,
поэт и партизан.

Тетрадь первая. Государь прибывает в Смоленск

Глава первая. 9 июля

Император Александр Павлович, покинувший по настоянию ближайшего своего окружения действующую армию, спешно направлялся в первопрестольную столицу нашу, дабы поднимать на священную битву против грозного неприятеля российское дворянство и народ российский. Но ещё до Москвы сию священную миссию государь должен был осуществить в пределах Смоленской губернии. Его Величеству донесли, что там царит полнейшая паника, переходящая в хаос, ибо на Смоленщину надвигалась страшная туча и раздавались уже громовые раскаты – шла «Великая армия».

Первоначально Его Величество прибыл в Поречье – село дворцовой казённой волости по мановению могучей воли матушки Екатерины Великой превращённое в уездный город. Там императора ждали уже пореченский городничий Амболевский и пореченский предводитель дворянства Баранцев. Сии двое представили государю и его свите отряды формирующегося ополчения, а затем незамедлительно препроводили Александра Павловича в Смоленск.

Июля 9-го дня 1812 года в 11 часов утра государь уже лобызал барона Аша, смоленского военного губернатора. Происходило это в губернаторском (бывшем царском) дворце, на площади Блонье.

За бароном Ашем выстроилось смоленское дворянство – представители всех 12-ти уездов губернии. Ещё несколько часов пред сим в городе царила неимоверная паника, но тут всё как рукой сняло, вплоть до отъезда Александра Павловича. В честь государя неслись радостные приветственные клики. Впрочем, Его Величество досадливо поморщился от шума и движением руки остановил галдеж. Воцарилось молчание.

Тогда Александр Павлович стремительным шагом отошёл от губернатора барона Аша и, раздвинув толпящихся, подошел к Сергею Ивановичу Лесли, предводителю смоленского дворянства. Это был потомок шотландских рыцарей, кои в составе польского войска короля Владислава в семнадцатом столетии штурмовали Смоленск, а затем остались тут и превратились в коренных русаков и даже в горячих патриотов нашей земли.

Государь обнял Сергея Ивановича и что-то доверительно пошептал ему на ухо. Лесли согласно кивал головой своей, а затем громким пронзительным голосом возгласил: «Господа! В сию страшную годину Его Величество дозволяет всем нам вооружать наших дворовых людей...» По зале прошёл ропот, и было не совсем даже понятно, насколько он одобрителен. В любом случае присутствующие были явно потрясены тем, что услышали от своего предводителя дворянства. Несколько ошарашен был и сам Сергей Иванович, но сам потомок шотландских рыцарей был явно обрадован услышанным от своего императора.

Прошло ещё несколько мгновений. Зала гудела. Тем временем Лесли обратился с какою-то просьбою к Александру Павловичу и подвёл его к группе бравых дворян, глядевших с благоговением на государя. То были дальние родичи Сергея Ивановича – отставной генерал-майор Дмитрий Егорович Лесли и четверо его сыновей – Александр, Георгий, Егор и Пётр. Вся четверка успела уже повоевать супротив Бонапарта в прежних кампаниях, а теперь находилась на покое, в своих обширных поместьях. Дмитрий Егорович, несмотря на почтенный возраст свой, горячо заверил Его Величество, что он и дети его никоим образом не смирятся с присутствием в нашем крае неприятеля.

Государь счастливо заулыбался и радостно воскликнул: «Коли так, родные мои, то надобно непременно свести вас вот с кем...» Он обернулся к своей свите и поманил громадного белокурого красавца с сияющими голубыми глазами, несколько чересчур вытарашенными, что

впрочем, тому только придавало шарма. То был генерал-майор Фердинанд Фёдорович Винценгероде, из гессен-кассельского баронского рода, заклятый враг революционной Франции и Бонапарта. Сей Винценгероде не пропускал ни одной антинаполеоновской кампании. Он неоднократно был и в российской службе, быстро прошёл путь от майора до генерал-майора, был адъютантом великого князя Константина Павловича. А потом стал и генерал-адъютантом императора Александра Павловича.

Сей Винценгероде, при исключительной порядочности своей, был нраву необычайно пылкого, вечно на что-нибудь обижался или негодовал на что-нибудь. Он несколько раз выходил из российской службы. Но в мае 1812 года, уразумев, что назревает страшная война с недругом его, опять попросился к нам и состоял при государе. Но ещё июля 7-го дня было высочайше решено, что Александр Павлович временно расстанется с верным своим рыцарем: сам он последует в Москву, а Винценгероде останется в Смоленске сторожить город от неожиданных наскоков неприятеля.

Сей Винценгероде и стал командиром первого партизанского соединения в 1812 году. Потом, перед уходом французов из Москвы, он попался в плен, но в итоге был отбит отрядом урядника Дудкина. Винценгероде прослышал, что Наполеон отдал маршалу Мортье приказ взорвать Кремль. В то время Винценгероде стоял уже на тогдашней окраине Москвы со своим авангардом (меж Петровским парком и бутырской заставой). Придя в совершенный ужас от того, что может быть взорвана русская национальная святыня, он тут же с белым флагом парламентаря в сопровождении одного лишь своего адъютанта Льва Нарышкина и одного казака ринулся в Кремль, решив уговорить Мортье не исполнять зверский приказ Наполеона, и был вопреки всем установленным тогда международным военным правилам арестован французами.

Да, забыв о смертельной опасности, угрожавшей ему, полетел спасать Кремль!

Такой это был наёмник, преданный безраздельно Его Величеству Александру Павловичу, болеющий всею душою за Россию. Не зря император так на него всегда полагался, что вызывало во многих наших придворных и военных (Денисе Давыдове, например) лютую зависть и ревность.

Таков был обруганный и приниженный Денисом Давыдовым генерал-адъютант Винценгероде, а вина последнего была лишь в том, что Денис Давыдов отдан под его начало.

Но вернёмся к утру 9 июля. Итак, государь поманил к себе Винценгероде и представил Фердинанда Фёдоровича всем братьям Лесли, сказав при этом: «А вот тебе, дружок мой, и первые помощники». После чего Его Величество оставил сию группу и пошел стремительно прогуливаться по зале губернаторского дворца.

Вскоре Александр Павлович заметил одного прежнего своего, можно сказать, знакомого, скромно и задумчиво прислонившегося к стенке, и незамедлительно подлетел к нему.

Это был невысокого роста человек, невзрачный, лысоватый; длинные прямые волосы спускались низко по бокам черепа, в середине образовывавшего круглую голую поляну. Был он в штатском и вид имел совсем не воинственный. Между тем, государь, несмотря на свою близорукость, сразу же признал в нём генерал-майора Евгения Ивановича Оленина.

Он из смоленских дворян и в составе смоленского мушкетерского полка проделал с Суворовым итальянский и швейцарский походы, в битве за Сен-Готардский перевал был трижды контужен. По окончании сих походов император Павел Петрович наградил его и перевел тем же полковничьим чином в лейб-гвардии конный полк. Генеральский же чин сей Оленин получил уже при Александре Павловиче. Он славно дрался в антинаполеоновских кампаниях, а при Аустерлице на глазах у великого князя Павловича захватил не менее трёх сотен пленных и отбил неприятельское знамя. Ещё бы государю его не помнить!

После 1808 года Оленин был по болезни в отставке и проживал в своём смоленском имении.

Александр Павлович стал расспрашивать Евгения Ивановича об его житье-бытье, об здоровье, а потом настоятельно просил опять поступить на воинскую службу. «Ты сейчас очень нужен России», – сказал государь. Оленин, не раздумывая, дал согласие. И тогда государь тут же подвёл его к естественно образовавшемуся кругу, состоявшего из братьев Лесли; в центре же круга находилась громадная статная фигура генерал-адъютанта Винценгероде.

Пристроив Оленина, государь, весьма довольный, двинулся дальше и почти сразу же наткнулся на большую группу, которая тут же расступилась пред ним и окружила его, возбуждённо и радостно что-то говоря. То был клан Энгельгардтов, имеющих в Смоленской губернии множество больших и малых вотчин.

Как только государь оказался в центре энгельгардтова круга, все они стали клясться в верности Его Величеству и в ненависти к проклятому Бонапарту. Едва ли не каждое восклицание, исторгаемое из душ этих людей, лило, безо всякого сомнения, подлинный бальзам на душу нашего государя.

Выслушав всех, Его Величество прочувствованно заметил: «Только, ради Господа, подкрепите ваши замечательные слова, друзья мои, делом. Непременно подкрепите! Бейте супостата!»

Энгельгардты – довольно-таки древний баронский род швейцарского происхождения. Но история наших Энгельгардтов начинается с момента, когда некий Георг Энгельгардт переселился из Цюриха в Лифляндию. Потомки сего Георга так и остались в Лифляндии. А в семнадцатом столетии Вернер Энгельгардт (в России потом он стал Еремеем) вступил в войско польского короля Сигизмунда и в составе этого войска брал Смоленск, в награду за что и получил на Смоленщине поместья. Так там и осели Энгельгардты и стали затем настоящими русскими, оправославились даже. И вот они стояли пред российским государем и изливали свои патриотические восторги, совершенно искренние.

А поодаль от них стоял мужчина громадного роста, напоминавший то ли быка, то ли медведя. Шитый золотом дворянский мундир, который широко облегал его необъятную фигуру (мундир достался ему от отца, бывшего по стати своей даже ещё выше и объёмней своего наследника) рождал ещё одно сравнение – с солнцем что ли. Во всяком случае, это скорее был не человек, а явление природы. Могучее и страшное.

Между прочим, сей богатырь тоже был Энгельгардт, но прочие члены клана его сильно не жаловали, вот он и стоял отдельно, как бы сам по себе. Сумрачный. Недовольный. Независимый.

Помещик Пореченского уезда Смоленской губернии отставной подполковник Павел Иванович Энгельгардт, в отличие от многих своих родичей, не был состоятельным землевладельцем. Отнюдь. Скорее он был очень небогат и, пожалуй, даже довольно-таки беден. В его основном имении (Дягилево) было всего 77 душ крестьян. Но Энгельгардты сторонились его совсем не поэтому. Причина была в ином.

При всей скудости своих средств, Павел Иванович был знатен и чванлив. Он полагал, что по общественному своему весу никто из Энгельгардтов не может с ним сравниться, что, естественно, родичей его крайне обижало.

Надо сказать, что для чванливости Павла Ивановича Энгельгардта были некоторые основания. Вот, что я имею в виду.

Родной брат его отца (Ивана Андреевича) Василий Андреевич Энгельгардт женился на сестре самого светлейшего князя Григория Потёмкина, и она родила пятерых дочерей. Они-то и стали основными наследницами князя Потёмкина. Были баснословно богатыми и имели особый вес в обществе. Особенно Потёмкин жаловал Александру Васильевну Энгельгардт (говорят, даже был с ней в любовной связи).

Сия Александра Васильевна (по супругу Браницкая), одна из богатейших и влиятельнейших женщин Российской империи, благоволила к своему кузену Павлуше Энгельгардту.

Именно она устроила его в Первый Петербургский шляхетный кадетский корпус и вообще оказывала всяческие благодеяния, что вызывало у смоленских Энгельгардтов чувство законной ревности.

Но необходимо назвать ещё одну причину, по которой Павла Ивановича Энгельгардта не жаловали смоленские его родичи.

Он был необычайно страстным поклонником горячительных напитков и особенно «дяги-левки» (род охотничьей водки «Ерофеич»), которая производилась его крестьянами.

Можно сказать, что Павел Иванович всегда был навеселе, а когда очень навеселе, то впадал даже в буйство, крушил мебель, а бывало, что и дрался.

Всё это родичам его казалось совсем не комильфо, и они открыто стыдились, что принадлежат к одному роду с этим медведем, охочим до пьяного меду.

И открыто Энгельгардты возмущались тем, что Павел Иванович буквально никогда не расставался с огромной серебряной флягой, на коей был выбит герб рода Энгельгардтов.

Вот и в залу губернаторского дворца, где государь встречался со смоленским дворянством, Павел Иванович не постеснялся явиться со своей неизменной флягой – этим вызовом местному обществу.

Правда, когда государь, отделившись от группы Энгельгардтов, стремительно направился к нему, Павел Иванович мигом спрятал флягу за полу своего громадного шитого золотом мундира.

До того он никогда не был представлен государю, Но Александр Павлович, конечно, был наслышан о подполковнике Павле Энгельгардте, об его отличной службе в ополчении 1807 года и об его винных «художествах».

Беседа императора со скандальным кузеном Александры Васильевны Браницкой была непродолжительной, но милостивой. Александр Павлович спросил у него, что он собирается предпринимать в нынешних тревожных обстоятельствах и не собирается ли покидать пределы своих владений, как некоторые другие помещики.

Павел Иванович отвечал до неприличия скупой: «Государь, куда же я поеду от родной смоленской земли? Тут останусь, и басурману спуску не дам».

При этих словах император приветливо, но молча поклонился Энгельгардту и двинулся дальше. Тут на него налетел высокий, необычайно худой, весь извивающийся змееподобный человек и рассыпался в подобострастных поклонах и приветствиях.

Это был некто Голынский, богатейший землевладелец Могилевской губернии, имевший, впрочем, кой-какую недвижимость в городе Белом на Смоленщине. В царствование Павла Петровича он имел грязные тяжбы с соседями, по решению государя получил триста палок и был посажен в Петропавловскую крепость. Освободили его лишь с восшествием на престол Александра Павловича. Вот теперь при встрече с государем он и изливался в благодарностях.

Правда, Его Величество прервал этот фонтан из приторного сахаристого сиропа и осведомился: «Что же, любезнейший, вы собираетесь делать в нынешних обстоятельствах?» Но Голынский как будто не слышал ничего и продолжал говорить о своих тяжбах, и что был несправедливо посажен за тюремный замок, и что только Его Величество Александр Павлович установил справедливость.

Император досадливо махнул рукой и пошел к выходу из залы. Однако Голынский нагнал его и стал уже теперь болтать что-то в том духе, как он презирает французов, этих легкомысленнейших созданий, и что их нечего бояться. Тут уже государь пустился чуть ли не бегом.

За государем Александром Павловичем неизменно, буквально как тени, следовали двое. Это были его флигель-адъютанты: полковник Александр Бенкендорф и ротмистр князь Сергей Волконский; будущий шеф корпуса жандармов и будущий декабрист. Было решено, что они также останутся в Смоленске. Высочайше был уже заготовлен приказ об их назначении штаб-офицерами при генерале Винценгероде.

Следом неся губернатор барон Казимир Аш, при излишней округлости своей страшно пыхтя и обливаясь потом.

А генерал-адъютант барон Винценгероде по-прежнему оставался в плену семейства Лесли, но кажется, он вовсе не жалел об этом, скорее – наоборот.

Беседа у них шла весьма оживлённая. Фердинанд Фёдорович усиленно жестикулировал, взор же буквально пылал: громадные голубые глаза излучали сияние. Бравые братья вытянулись пред ним в струнку и что-то докладывали. И особенно горячился Александр Дмитриевич Лесли. Пылкостью своею он чем-то походил на барона.

Разговор, конечно же, шёл об двигавшихся в сторону Смоленской губернии и об средствах их одоления. Лесли жаловались, что многие помещики тамошние бегут за пределы губернии, даже и не думая о противодействии врагу.

Винценгероде бурно негодовал, был даже в самом форменном бешенстве.

Но говорили братья Лесли и об том, что изменники отнюдь не все, и что смоляне, в отличие от дворян, скажем, Виленской губернии, ни в коем случае не встретят Бонапарта с распростертыми объятиями.

Фердинанд Фёдорович кивал согласно головой, одобрительно покачивал длинным своим носом и делал какие-то отрывистые замечания, судя по всему совершенно благожелательные. Выглядел он при этом довольным и даже радостным.

Публика стала расходиться, а генерал-адъютант Винценгероде всё ещё был окружён этими Лесли, бравыми потомками шотландских рыцарей и пылкими, неудержимыми, глубоко истинными патриотами земли русской.

Меж тем, часы на площади Блонье пробили двенадцать часов дня, и это прервало оживлённую беседу самым решительным образом. Вот-вот должен был начаться молебен.

Винценгероде, белокурый голубоглазый гигант, в окружении высоких, статных как на подбор братьев Лесли, буквально ринулся, полетел к кафедральному собору.

Глава вторая. 9 июля (окончание)

По выходе из губернаторского дворца государь Александр Павлович направился на молебен в собор Успения святой Богородицы (храм сей возводился более ста лет и был выстроен на месте храма, заложенного ещё Владимиром Мономахом и взорванного в XVIII столетии во время осады Смоленска поляками).

Когда император проходил мимо здания городского магистрата, его там встретили все чины этого учреждения и земно ему поклонились. Неуёмный Голынский был уже там, вертелся, крутился и тоже кланялся, но как-то слишком уж по фиглярски. Александр Павлович сделал вид, что не замечает его; к тому же он спешил на молебен.

После молебна государь посетил архиерея. Тот откровенно поведал Его Величеству, что в городе пред самым приездом государя была страшная паника, и особливо среди дворянства и чиновничества, тогда как низшие классы более или менее спокойны. Узнав обо всем этом, Александр Павлович оставил особый рескрипт на имя смоленского епископа Ириней, в коем увещевал хранить спокойствие и быть стойкими пред наступающим неприятелем: «Узнав, что некоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы, скрываются и бегут от малочисленных неприятельских разъездов, появляющихся в далеком ещё расстоянии от Смоленска, возлагаем мы на вас пастырский долг: внушениями и увещаниями своими ободрять их и не только отвращать от страха и побега, но наоборот – убеждать, как того и требует долг и вера христианская, чтобы они, совокупляясь вместе, старались вооружиться, чем только могут. Дабы, не давая никакого пристанища врагам, везде и повсюду истребляли их и, вместо робости, наносили им самим великий вред и ужас».

Потом был обед. Несколько слов о нём, точнее об его финальной части. Когда все за десертом двинулись в диванную, государя вдруг окружила группа Энгельгардтов. Все они наперебой стали клясться в верности и что нещадно станут бить французов, как только те появятся в пределах губернии.

Государь вдруг осведомился у них: «Что же вы сторонитесь родича вашего... подполковника Энгельгардта? Чем это он не люб вам?»

Энгельгардты замолкли, а один из них сказал: «Да позорит он нас, наш славный род, Ваше Величество».

«Чем же это позорит он вас?» – любопытствовал Александр Павлович, не в силах скрыть изумления.

Тот же Энгельгардт после минутного раздумья отвечал следующим образом:

«Да как же не позорит? Выгнал супругу свою и завёл в имение своём самый настоящий гарем из дворовых девок и даже не думает сего обстоятельства скрывать».

При этих словах государь залиvisto рассмеялся и стал искать глазами подполковника Энгельгардта, но так и не нашёл. Тогда Его Величество повернулся к стоявшему за его спиной ротмистру Сергею Волконскому, своему флигель-адъютанту, и попросил, чтобы он спешно разыскал и подвёл к нему Павла Ивановича.

Не прошло буквально и пяти минут, как перед государем уже высилась гора, именуемая Павлом Ивановичем Энгельгардтом, и гора не вполне уже трезвая...

«Ну, что, любезный друг! – обратился к нему император, – неужто сказывают правду, и ты и в самом деле завел у себя в Дягилеве подлинный гарем?»

Тут Павел Иванович, несмотря на обычную храбрость свою и всегдашнюю самоуверенность, несколько задрожал и не мог скрыть испуга, явно мелькнувшего в больших круглых чёрных глазах его. Государь заметил это и лукаво улыбнулся.

Он понимал, что Энгельгардт, как видно, ожидает страшного высочайшего нагоняя, даже и не помышляя о том, что пред ним находится один из величайших, несравненных дамских

соблазнитель того времени, необычайно страстный, истинно дионисический поклонник женской красоты. И смольнянки очень даже волновали императора.

Помолчав несколько, Его Величество продолжал говорить, не убирая лукавой улыбки со своего прекрасного лица:

«Слушай, Энгельгардт, вот как побьем супостата Бонапарта, непременно наведаюсь к тебе. Примешь в гости? Ужас, как хочется пощупать твоих девчонок».

И государь отошел, оставив Павла Ивановича в такой растерянности, в какой тот никогда, кажется, и не бывал прежде. Энгельгардт стоял, а вернее высился посреди диванной залы, разинув от изумления рот.

Однако ещё большее впечатление сценка эта произвела на толпившихся вокруг Энгельгардтов. Они казались неимоверно близки к самому настоящему обмороку и были ещё более злы, чем ранее, на родича своего, владельца сельца Дягилево.

Так что обед завершился более чем пикантно и весьма живописно.

Но особого времени для отвлечений и раздумий не оставалось. По окончании обеда сделан был смотр отряду генерал-адъютанта Винценгероде. Там было 27 эскадронов и батальонов, собранных из запасных команд, а также из пребывающих в отпуску офицеров, оказавшихся в то время на территории Смоленской губернии.

Передовой частью отряда, совсем небольшой, командовал генерал-майор Евгений Иванович Оленин. Сразу же по окончании смотра последний со своей крошечной командой был отправлен в местечко Ляды, около города Красного, что на границе Могилевской и Смоленской губерний. Основная задача отряда заключалась не столько в обороне, сколько в добыче сведений об расположении войск противника: Оленин должен был своевременно предупредить, когда могут появиться основные силы Бонапарта.

Кроме того, в Лядах пребывал жидовский проповедник Шнеур Залман. Это был изумительный мудрец и заклятый враг Бонапарта. Он проклял императора французов и поставлял русской армии разведчиков из числа своих учеников.

И государь наистрожайше повелел охранять сего Шнеура Залмана как зеницу ока, а в случае приближения основных неприятельских сил забрать вместе со всем многочисленным семейством его и вывести в совсем безопасное место. Что и было сделано генералом Олениным безукоризненно.

Кроме того, тогда девятого числа генерал-адъютант Винценгероде призвал к себе всех четырёх братьев Лесли и призвал поставить конный добровольческий отряд хотя бы из двадцати человек, дабы отдать его в распоряжение генерала Оленина, отправленного в Ляды. Забегая вперёд, замечу, что братья Лесли поставили отряд не в двадцать, а в 60 человек.

Общей же и главной целью отряда Винценгероде было защищать Смоленск по тракту к Красному и Могилеву от занятия Смоленска как пункта, где первая и вторая армии соединятся. Надобно было в преддверии встречи двух командующих (Барклая и Багратиона) и их соединений охранять Смоленск от внезапного *coup de main* (нападения).

Винценгероде блистательнейше справился с возложенной на него задачей. При этом ему очень помогли его штаб-офицеры, и особенно полковник Бенкендорф, имевший громадный и неоценимый опыт партизанской войны в Грузии, Турции и Греции. Но это я забегаю вперёд, а покамест вернёмся к 9 июля.

Ближе к вечеру, когда несколько схлынула бешеная жара, государь совершил пешую прогулку по Смоленску, коей остался чрезвычайно доволен. Он несколько раз повторил: «Да, это чудо, а не город». Никто ещё не догадывался, что через несколько недель это чудо превратится в груды обгорелых зданий и россыпь пепелищ.

После ужина же Его Величество уединился в предоставленной ему опочивальне губернаторского дворца с какою-то дамою. Злые языки поговаривали, что сия честь была оказана

чуть ли не самой супруге губернатора барона Аша, весьма молодой, сравнительно с мужем, и очень даже очаровательной даме, хоть и по провинциальному несколько претенциозной.

Так или иначе, но вечер и часть ночи государь провёл в обществе какой-то дамы и остался, как будто, чрезвычайно доволен. Может быть, даже гораздо более, чем прогулкой по Смоленску.

Так как Александр Павлович был занят, то съехавшиеся со всех концов Смоленской губернии поглазеть на него и послушать помещики явно к вечеру заскучали. Но губернский предводитель Сергей Иванович Лесли нашёл хоть какой-то выход: он устроил у себя большой дворянский сбор. Да, государь отсутствовал, но зато все собрались в более или менее полном составе и могли свободно, не стесняясь высочайшего присутствия, обсудить назревшие проблемы и близящиеся страшные тревоги.

На сей раз главная зала дворянского собрания напоминала базарную площадь в самый разгар дня. Шум и гам стояли совершенно невообразимые. Толчея была просто невозможная и для этого места небывалая.

Сергей Иванович Лесли как обычно председательствовал, но сладить с публикою на сей раз никак не мог, и это, видимо, случилось с ним чуть ли не впервые. Он был явно растерян, и в том числе и от того, что он тут слышал.

Поразительно, но ура-патриотические речи, непрестанно звучавшие с самого утра, с момента приезда государя, вдруг отчего-то притихли.

О Бонапарте и его полчищах говорили всё время, но в несколько ином разрезе.

Присутствие императорских флигель-адъютантов, полковника Бенкендорфа и ротмистра Волконского, кажется, при этом мало кого смущало – видимо, их почитали уже за своих, местных. Они ведь оставались в Смоленске.

О чём же говорили в тот вечер, покамест император Всея Руси предавался утехам любви?

Во-первых, выяснилось вдруг, что дозволение государя вооружать дворовых людей, оказывается, было встречено многими со страхом и даже с недоумением, но в основном никак не с радостью.

Довольно многие из присутствующих спорили о том, имеют ли дворяне право вооружать крепостных и жертвовать чужою жизнью.

Один лишь Александр Дмитриевич Лесли, один из сыновей генерала Дмитрия Егоровича, горячо требовал созыва ополчения. Тогда Воеводский, уездный предводитель Смоленского уезда, осерчал и возразил ему: «Коли ты есть первый затейник всему этому, тебя первого и надобно выбрать в ополчение!»

Александр Дмитриевич с гордостью ответил: «Я уже и сам ополчился, и вот вам приказ генерал-адъютанта Винценгероде, который мне велел состоять при нём!»

«Проворен, брат!» – сказал с досадою Воеводский и тут же замолк.

Энгельгардты, так горячо уверявшие государя, что будут бить французов нещадно, теперь отмалчивались или же высказывались в том духе, что жалеют своих дворовых и не дадут их на закланье.

Павел Иванович Энгельгардт, видя столь явное малодушие едва ли не всех родичей своих, ежеминутно прикладывался к знаменитой фляге и буквально рычал от бешенства. Никаких внятных слов он, правда, не произносил, но было очевидно, что самый дух нынешнего собрания вызывает в нём явное отвращение.

Братья же Лесли поглядывали на Павла Ивановича косо.

Поддержка его им явно претила, и всё из-за той проклятой фляги, как видно.

Кроме того, сестра братьев, Варвара Дмитриевна, была замужем за одним из Энгельгардтов, и она перенесла в родовой свой клан презрение к Павлу Ивановичу.

И Бенкендорф и князь Волконский не издавали ни звука, но было видно, что они глубоко потрясены всем происходившим. Не исключено, что именно это собрание и дало повод князю

Волконскому впоследствии заявить на вопрос Александра Павловича, как дворянство ведет себя в тяжелую годину войны: «Государь! Стыжусь, что принадлежу к нему – было много слов, а на деле ничего!». Впрочем, стоило лишь государю отвернуться, и даже словесный патриотический порыв мигом улетучивался.

Между прочим, по окончании собрания оба они (Бенкендорф и Волконский) подошли к Павлу Ивановичу Энгельгардту и горячо пожали ему руку, а вернее лапу. При этом он уже почти не держался на ногах, и взгляд его огромных круглых глаз был уже совсем мутен. Но к фляге он продолжал прикладываться и на Энгельгардтов буквально рычал, в гневе притоптывая ногой (лапой). Окружающие видели в этом одно лишь пьяное буйство. Но всё было гораздо сложнее. А Павла Ивановича вполне оправдала праведная его гибель.

Глава третья. 10 июля

В шестом часу утра государь Александр Павлович покинул Смоленск и отправился спешно в Москву. В четыре часа он ещё провёл небольшое краткое совещание, на которое пригласил генералов Винценгероде и Оленина, а также флигель-адъютантов Бенкендорфа и Волконского.

По окончании той памятной встречи Его Величество произнес наставительную речь и потом всех нежно облобызал. Он окинул присутствующих обнадеживающим и одновременно глубоко тревожным взглядом. А генерала Винценгероде государь крепко обнял и даже прослезился, прошептал: «Прощай, друг мой. Даст Бог, свидимся при более весёлых обстоятельствах».

Как только коляска, увозившая государя, скрылась из виду, генерал Винценгероде незамедлительно призвал к себе братьев Лесли и сказал, что срочно ожидает обещанного конного отряда (20 всадников) для поддержки своего наблюдательного корпуса.

К вечеру этого же дня братья Лесли доставили отряд даже не из требуемых двадцати, а из шестидесяти конников, который они при участии ещё двух сестер своих и родителя набрали из своих дворовых и полностью вооружили на свои собственные средства.

Из имения Копыревщина, принадлежавшего генералу Дмитрию Егоровичу Лесли (отцу) было взято 12 конных.

Из имения Гусаково, принадлежавшего Егору Дмитриевичу Лесли, было взято 20 конных.

Из имения Петрово, принадлежавшего Григорию Дмитриевичу Лесли, взято 16 конных.

Из имения Кимборово, принадлежавшего Петру Дмитриевичу Лесли, было взято 19 конных.

Из имения Станьково, принадлежавшего Александру Дмитриевичу Лесли, было взято 20 конных.

Из имения Озеренск, принадлежавшего Варваре Дмитриевне Энгельгардт (Лесли), было взято 10 конных.

Елизавета Дмитриевна Апухтина (Лесли) из своего конного завода прислала 40 лошадей.

Отряд, сформированный семейством Лесли, генерал-адъютант Винценгероде отдал в распоряжение генерала Евгения Ивановича Оленина, стоявшего на самой границе Смоленской и Могилевской губерний. Непосредственно осуществлено это было 11 июля, а решено днем раньше, а именно – десятого, сразу же по отъезде государя.

Как только Александр Павлович покинул Смоленск, тут же возобновилась и паника, причём, в удесятикратном, если не более, размере. Губернатор барон Аш приказал расставить на заставах патрули, кои останавливали беглецов и силою возвращали их обратно в город. При этом сам барон Аш распорядился отобрать у крестьян семьсот подвод и лошадей, дабы вывезти казенное имущество и чиновников, что ещё более усилило панику. Барклай де Толли, двигавшийся со своей первой армией к Смоленску, отменил это распоряжение, добавив, что крестьянам подводы надобно вернуть, а казенное имущество надобно вывозить тайно по ночам.

В общем, паника росла не по дням и не по часам, а буквально по секундам.

Помещики, прибывшие в Смоленск на встречу с государем, в основном уже десятого разъехались по имениям своим, но кое-кто ещё и остался в губернском городе. Остался Голынский (его могилевские имения были уже заняты французами), болтался и Павел Иванович Энгельгардт, у него будто какая-то тяжба была в судебной палате. И вообще, он ждал Пореченского уездного предводителя Баранцева, Тот тоже ещё торчал в Смоленске, а вместе они весьма активно обсуждали, как устроить в их Пореченском уезде ополчение. Кроме того, в Смоленске они надеялись добыть по протекции губернатора не менее пятнадцати возов с оружием.

Предводитель Сергей Иванович Лесли собрал снова на совет смоленскую шляхту, ибо обстановка катастрофически ухудшалась, неприятельские полчища неотвратимо приближались. Совет однако получился довольно-таки грустным.

Один помещик (из Энгельгардтов, кстати) кричал, бесстыдно разыгрывая благородное негодование: «Господа! Как же мы смеем жертвовать жизнью других и делать ополчение? Это же антигуманно. Мы должны беречь соотечественников наших».

Прохор Иванович Булатов решил трусость и низость свою спрятать за маскою рачительного хозяина. Он выдал следующее: «Как давать людей в ополчение. Ежели теперь время сенокоса?» Ему, правда, Павел Иванович Энгельгардт прорычал в ответ: «Ну что ж, заготавливайте сено для неприятеля».

А один принимал как будто идею ополчения, но только с какими-то своими особыми условиями. Он заявил: «Я согласен на ополчение, но только по моему плану». Баранцев, пореченский предводитель, крикнул ему: «По чьему угодно. Только надо поскорее собрать людей и вооружить!»

А один помещик (это был неумный и невозможный Голынский) ехидно осведомился: «Где же хваленые ваши братья Лесли? Они первые стали кричать об ополчении, их и надобно выбрать в офицеры».

Тут уже не выдержал и сам Сергей Иванович Лесли. Он отвечал: «Мы здесь ещё толкуем. А они уже сражаются».

«Да где же они сражаются?» – всё так же ехидно продолжал осведомляться Голынский.

«В составе корпуса генерал-адъютанта Винценгероде».

Голынский умолк, будто воды в рот набрал, но недоброжелательная улыбка продолжала змеиться на узком личике его. Вообще, об сем субъекте ещё будет у нас особый разговор.

Поразительно, но его издевательские, изменнические речи в тот раз, кажется, почти никого не возмутили, ибо многие из помещиков в ту страшную для нашего отечества минуту, признаюсь, думали лишь о себе и собственных выгодах и никак не желали жертвовать своим имуществом для своих же, хотя его с легкостью мог забрать себе неприятель (и забрал потом).

Правда, один человек всё же подошел к Голынскому и тихо шепнул ему: «Гнида, задущу». Голынский в страхе и ужасе отшатнулся.

Этот человек был Павел Иванович Энгельгардт, помещик Пореченского уезда Смоленской губернии, владелец сельца Дягилево и ещё кое-какой мелкой земли.

Голынский не зря в ужасе отшатнулся от него. Павла Ивановича едва ли не все в губернии сторонились и побаивались. С ним шутки были плохи. Он ведь мог и лапу свою приложить. Запросто. Тем более сие касалось такого скользкого и неопределенного типа, каковым являлся Голынский.

Да, он был богатейший землевладелец Могилевской и Смоленской губерний. Но Павел Иванович Энгельгардт это совсем не брал в расчёт. У него были свои критерии оценки человеческой личности и значимости её. И по этим критериям помещик Голынский был полнейшее ничтожество, иуда собственной персоною.

В общем, после «ласковых» слов, зловецё пошептанных ему на ухо, Голынский спешно ретировался из залы, где столь горячо обсуждался план смоленского ополчения.

С исчезновением, даже, пожалуй, что и бегством Голынского, подполковник Энгельгардт совершенно успокоился и принялся и далее опорожнять знаменитую свою флягу.

Павел Иванович вовсе не слыхал, что Голынский, выбегая из залы, тихо, невнятно приговаривал: «А Наполеон всё равно выше Александра! Наполеон выше Александра! Выше Александра!» А то бы, без сомнения, Голынскому досталось. Энгельгардт был весьма скор на расправу; не зря его называли «смоленским медведем». Но Бог на тот раз негодяя миловал.

Беседа дворянских представителей тем временем продолжалась. И идея смоленского ополчения, хоть и с бою, но в итоге была всё же большинством голосов одобрена.

Но было ясно и то, что пожертвовать достоянием своим – уже не говорю жизнью, – увы, готовы были далеко не все из присутствовавших на многолюдном собрании у Сергея Ивановича Лесли, что невероятно того опечалило.

Правда, он заметил вслух, громко, отчетливо, выходя из залы, где всё происходило, говоря с чувством, вызовом и нескрываемой гордостью:

«Зато есть хоть у нас братья Лесли, наши смоленские рыцари, истинные рыцари, без страха и упрека. Они вполне оправдают здешнюю шляхту и пред Государем нашим и даже пред самим Господом!». Против этого дворянским представителям нечего было возразить, хотя сей откровенный дифирамб семейству Лесли, по правде сказать, далеко не всем из них пришёлся по душе. Кое-кто даже стал порицать губернского предводителя, что он слишком уж возвеличивает своих родичей, но это было совершенно несправедливо, гнусно и порождено самою чёрною завистью, и ничем иным.

* * *

В некотором роде братья Лесли и в самом деле давали в 1812 году шанс смоленскому дворянству не покрыться позором.

Да, когда основные корпуса «Великой армии» наводнили губернию, многие помещики бежали (ещё предварительно даже), но многие и остались и стали всемерно вредить врагу.

Так, в Сычёвском уезде дворянский предводитель Николай Нахимов, городничий Павел Карженковский и квартальный надзиратель Леонов организовали из местных дворян и полицейских чинов партизанский отряд. И ещё возникло множество такого рода отрядов, действовавших смело и дерзко.

И всё же ИМЕННО братья Лесли и ещё до царского манифеста от 6 июля 1812 года, до того, как государь призвал созвать ополчение, выдвинули идею собирания на Смоленщине ополченских отрядов и сами стали формировать один из таковых.

Именно отряд братьев Лесли был присоединен к регулярным войскам, которые как раз и встретили у городка Красный «Великую армию».

И, наконец, именно братья Лесли первые стали жертвовать ради войны своим достоянием и вооружили отряд на свои собственные средства, привели отборных лошадей из фамильных заводов, что сильно изумило и озадачило тогда не одного смоленского помещика.

А поддержку братья Лесли на самом-то деле получили лишь после того, как генерал-адъютант, барон Винценгероде был самым государем Александром Павловичем оставлен в Смоленске для организации сопротивления внутри наполеоновых войск. И генерал-адъютант стал буквально требовать от смоленского дворянства создания ополченских отрядов.

И первыми к генерал-адъютанту российского императора явились именно братья Лесли – все четверо. Причём, немалое число смоленских помещиков их тогда явно осуждало, считало выскочками. Однако все без исключения российские представители рода Лесли встали на сторону братьев и особенно родной отец их – отставной генерал-майор Дмитрий Егорович.

Горячий патриотический порыв братьев Лесли, столь сильно проявившийся в июльские дни 1812 года – это было тогда самое настоящее событие и, может быть, даже событие национального масштаба. А его как-то подзабыли теперь что ли.

Да, помнят как будто, но в то же время и не помнят, а вернее «растворяют» во всех остальных партизанских отрядах, которые потом только ведь появились.

Нынешние представители рода Лесли гордятся, конечно, славными, героическими предками своими, но открыто хвалиться стыдятся. А остальным как будто и дела нет до братьев Лесли, истинных смоленских рыцарей. Такие вот невесёлые дела с памятью нашей.

Попробую сейчас хоть чуть-чуть, хоть в самом общем виде исправить положение, хотя у настоящего повествования есть собственный герой. Но чего не сделаешь ради торжества справедливости.

* * *

Итак, несколько необходимых отступлений, посвящённых братьям Лесли, первым ополченцам 1812 года.

На самом-то деле сии отступления совсем не необходимы. Просто я никак утерпеть не могу и поведаю хоть немного о четырёх героях земли смоленской, прямых потомках шотландского рыцаря Александра Лесли.

Он сначала был нанят поляками, вступил наёмником в их армию, попал в плен под Смоленском, был отпущен, а потом вернулся на Русь, поступил на царскую службу и бился не раз за Смоленск уже со стороны русских и был даже сделан впоследствии (уже при царе Алексее Михайловиче) смоленским воеводою, перейдя в православие со всем семейством своим.

Прямые потомки этого самого смоленского воеводы и ринулись в 1812 году против наполеоновых полчищ, обороняя от врага родную смоленскую землю. Интересно, что во главе этих Лесли тоже стоял Александр, как и его предок, рыцарь, перебравшийся на жительство в московское царство.

И безо всякого сомнения, Александр Лесли – герой 1812 года – отличнейшим образом сознавал и гордился, что он продолжатель дела того самого шотландского рыцаря, перешедшего на русскую службу и не раз защищавшего Смоленск от неприятеля.

Глава четвёртая. Отступление первое о братьях Лесли: штаб-ротмистр Александр Лесли

Братья Лесли, все четверо, хотя и были совсем ещё не в годах, находились уже в отставке к тому времени. Каждый проживал в имении своём. Но при этом все они уже успели поучаствовать в антинаполеоновских кампаниях. И проявили себя при этом достойно, вполне поддерживая честь рыцарского своего рода.

Старшим по воинскому званию был среди братьев Александр Лесли, дослужившийся до штаб-ротмистра. Но дело даже и не в этом. Суть в ином. Это он первый предложил семейное ополчение, первый выставил вооружённых конников за свой собственный счёт, став душой партизанского тряда Лесли.

Но правда и то, что все братья тут же поддерживали его и не пожалели своего достояния. Сначала они вооружили до 60 человек своих дворовых и выделили соответствующее число лошадей, чистокровнейших притом, отборных, а потом поставили аж 200 конников.

* * *

Александр Лесли получил домашнее образование. С семи лет был он зачислен в армию. С шестнадцати лет служил в Чугуевском уланском полку, сформированном отцом его генерал-майором Дмитрием Егоровичем.

Участвовал он затем в суворовских походах 1799 года и в антибонапартовской кампании 1807 года.

Затем Александр Лесли вышел в отставку. В 1810 году женился и зажил тихой семейною жизнью в имении своём Станьково.

С началом военной компании 1812 года в жизни Александра Лесли всё переменялось. Он сразу решил, что выбора нет, и что он непременно встретит захватчика с оружием в руках.

После бесед с генерал-адъютантом Винценгероде, состоявшихся 9 и 10 июля 1812 года, Александр Лесли стремительно принялся за формирование семейного партизанского отряда.

Каждый день и даже каждый час стали необычайно бурными и предельно наполненными.

Александр Лесли созвал братьев своих и стал готовить их и посылать (а также и людей своих) в разные места: одно в Копыревщину, к батюшке своему – просить благословения, другого – за покупкою седел и прочего необходимого для ополчения, третьего – в Озеренск, к сестрице Варваре Дмитриевне, дабы попросить несколько человек и лошадей для ополчения.

Так в 1812 году именно и началась в Смоленской губернии партизанская война, не просто жестокая, а ещё и ожесточённая. То был опыт сопротивления, который явился сигналом и для других губерний, к коим приближался враг.

* * *

Все четверо братьев во главе дворовых людей своих пошли против наступающих на смоленскую губернию наполеоновских полчищ. Это было даже не геройское дело, а безумно геройское.

Вначале генерал-адъютант барон Винценгероде, также истинный рыцарь, направил их к генерал-майору Евгению Ивановичу Оленину, стоявшему у города Красного, что в сорока верстах от Смоленска.

Под началом Оленина находилась небольшая пехотная часть, и ему нужен был хотя бы небольшой конный отряд. И вот этой пехотной части и был бароном передан отряд всадников, коим командовали Лесли.

Прибыв к месту назначения, братья Лесли со своими молодцами несли аванпостную службу, делали разъезды, то бишь выполняли работу разведчиков и делали это чрезвычайно толково, заслужив полнейшее одобрение и даже изумление генерала Оленина.

Обнаружив неприятеля, приближавшегося огромными массами, братья Лесли первые донесли об этом генералу Оленину, и сами присоединились к войску при городе Красном, будучи прикомандированы к Харьковскому драгунскому полку.

В сражении при городе Красном, на который Бонапарт вдруг двинул основные свои силы, отряд братьев Лесли потерял несколько человек убитыми и ранеными; весь обоз их с провиантом и фуражом был захвачен неприятелем. Это было боевое крещение первого партизанского (ополченского) отряда в войне 1812 года.

Участвовали братья Лесли во главе своего отряда и в Бородинском сражении.

Когда же Бонапарт повел свою «Великую армию» из Москвы, и она стала превращаться постепенно в сброд, в расстроенные толпы голодных, замерзающих оборванцев, братья Лесли вернулись к себе в имения и стали приводить их в порядок после неприятельского разорения.

Уничтожать жалкие остатки бывшей «Великой армии» в их планы совсем не входило – это было ниже их рыцарского достоинства. Добывать бегущего врага, отбирать у него награбленное – этим пусть занимаются другие, решили Лесли, имевшие свой кодекс чести и строжайше придерживавшиеся его.

В общем, исход военной компании был очевиден. Грозный ещё недавно враг откатывался к самым рубежам российской империи. И братья Лесли вернулись к своим обязанностям помещиков. Надобно было восстанавливать разрушенное войной хозяйство.

Братья пришли на помощь своему родному краю в минуту истинной, страшной опасности, когда стоял вопрос быть или не быть русской земле, когда вся смоленская губерния была наводнена неприятелем, и шёл страшный, ни на минуту не прекращавшийся грабеж городов и поместий.

Именно исходя из катастрофичности момента, Лесли и рискнули пожертвовать всем – и жизнью, и достоянием.

Глава пятая. Отступление второе о братьях Лесли: поручик Пётр Лесли и партизанская война

Поручик Пётр Лесли в составе Петербургского драгунского полка принял участие в походах 1805, 1806 и 1807 годов. Боевой опыт, ненависть к неприятелю и природный энтузиазм впоследствии сделали его неоценимым помощником брату штаб-ротмистру Александру Лесли, как главе семейного партизанского отряда.

2 августа 1812 года, поручик вызвался на предложение генерал-майора Оленина взять взвод Харьковского драгунского полка и открыть расположение неприятеля за двадцать верст от Красного, по правую сторону Днепра.

Исполнив возложенное на него поручение и возвращаясь уже, Пётр Лесли при деревне Лучки наткнулся на французских гусар. Он тут же ринулся в атаку, наголову разбил неприятеля, взял в плен 9 человек с лошадьми и очистил себе путь.

Между тем, все близлежащие деревни были заняты уже врагом. Так что, возвращаясь, поручик всё время продирался с боем, отбиваясь от французов.

Он уже находился в трёх верстах от Красного, когда обнаружил, что отрезан и со всех сторон окружён. Тогда Пётр Лесли со своим взводом и с пленными скрылся в лесу. Там он встретил прятавшихся жителей города Красного и узнал от них, что за несколько часов до того город уже взят французами. Тогда поручик взял проводника и возвратился с отрядом в новое расположение войск. Им командовал генерал-майор Оленин. И это только один рейд, совершённый среди полчищ наступающего противника.

Того же 2 августа Пётр Лесли участвовал в продолжении дела под Красным. 4–5 августа он был один из тех смельчаков, кто дрался в битве за Смоленск.

И когда Барклай в ночь на 6 августа отдал вдруг приказ оборонявшим его войскам бесшумно сняться и исчезнуть из города, то и Пётр Лесли со своими харьковскими драгунами, после двухдневного пребывания в пороховом дыму и среди горящих зданий, ставшими закопчёнными как черти, покинули Смоленск. Было ясно, что мера сия совершенно неизбежная и разумнейшая, но Лесли чуть не плакал.

Во время отступления Второй Западной армии по Московской дороге, на поручика обратил внимание генерал Пётр Багратион и причислил его к главному дежурству, в составе войск, вверенных Багратиону.

Дело было так. Отойдя от Смоленска верст четырнадцать по Московской дороге, за Валутину гору остановились ненадолго. Кормили лошадей. А солдаты готовили себе еду. И тут подъехал князь Пётр Багратион. Увидев неизвестное ему боевое соединение, он послал адъютанта спросить, что это за команда. Ему отвечали: «Конное ополчение, составленное братьями Лесли на свой счёт и содержимое своими средствами». Тогда Багратион приказал привести их к нему. Встретил их превосходно, наговорил множество похвал и назначил всех состоять в своём дежурстве, то бишь в роли конвоя или телохранителей.

Кстати, встреча генерала Багратиона с партизанским отрядом братьев Лесли произошла ещё дней за двадцать до того (никак не менее), как Денис Давыдов предложил Багратиону свою идею касательно образования партизанских соединений.

Пётр Лесли участвовал и в Бородинской битве. Был он во фраке, к которому были прицеплены прежние его боевые награды. Также были одеты и остальные братья.

Пётр Дмитриевич и Григорий Дмитриевич состояли при Багратионе. При этом Григорий Дмитриевич исполнял должность колонновожатого: водил колонны в сражение при Бородине. Пётр Дмитриевич за адъютанта под огнём разъезжал с приказаниями. А Егор Дмитриевич с командой выносил из самого огня раненых на перевязочный пункт чрез фронт.

В разных сражениях, и особенно в бою при Бородине, в отряде братьев Лесли убито было всего 18 человек. Всех остальных привели в имение Станьково в полном порядке, с трудом, но хорошо продовольствуя на свой счёт. Из Станькова уже распустили всех по домам.

Всё это было потом. А 11 июля 1812 года Пётр Лесли начал свой дерзкий и доблестный партизанский путь совместно с братьями своими – штаб-ротмистром Александром, поручиком Григорием, подпоручиком Егором.

По окончании военной компании 1812 года, отставной поручик Пётр Лесли был Смоленским уездным предводителем дворянства, исполнял и должность губернского предводителя, был председателем палаты уголовного суда, но в первую очередь это был рачительный помещик.

Никакой воинственности в нём уже более не чувствовалось. Просто была за Петром Лесли репутация исключительно порядочной личности, верного блюстителя традиций смоленского дворянства. При этом никаких резких шагов, громких заявлений он не делал. Однако в годину страшных испытаний он без малейших колебаний ринулся с братьями своими защищать землю смоленскую от несметных вражеских полчищ, даже и не помышляя об какой-либо иной для себя возможности.

Братья Лесли не посрамили славного своего рода, ведущего начало от рыцаря Варфоломея, прибывшего в 1067 году в шотландское королевство из венгерского в свите принцессы Маргариты, невесты короля Шотландии. Впоследствии сей рыцарь Варфоломей женился, скажут, на принцессе Беатрисе (сестре шотландского короля).

На земле смоленской Лесли осели, и навсегда, причём, в царствование первого монарха из династии Романовых – царя Михаила Фёдоровича.

История такая. В 1616 году рыцарь Александр Лесли из Ачинтуля (Auchintoul), впоследствии ставший Авраамом Ильичем, воевал в составе польской армии и попал под Смоленском в плен к русским. И пару лет находился на русской службе (в 1818–1819 годах), но потом подался к шведскому королю.

Однако в 1630 году Александр Лесли появился в Москве в составе шведской военной миссии, как полковник шведской королевской армии, получил аудиенцию у царя Михаила Фёдоровича и подал прошение, в коем высказывал настоятельное желание перейти на русскую службу. Прошение было удовлетворено царем. Лесли было поручено создание на Руси «полков нового строя», предназначенных для отражения кавалерийских атак.

И уже в марте 1630 года Александр (Авраам Ильич) Лесли стал служить царю Михаилу Фёдоровичу, а в 1633 году уже защищал Смоленск от поляков. Был, правда исключён из русской службы, хотя та война закончилась для царя неудачно, Смоленск так и не удалось тогда отстоять, однако полки, находившиеся под началом Лесли, дрались отменно и смогли покинуть поле сражения, сохранив и вооружение, и знамёна.

Александр Лесли из Ачинтуля (там у них родовой замок; он сохранился как будто) опять вернулся на Русь при царе Алексее Михайловиче, стал его военным советником, воевал за Смоленск (уже удачно) и был тогда как раз и сделан смоленским воеводою. Царь подарил своему воеводе имение Самойлы, деревни Панково, Орлово, Гаврилово, Болдино, Пнёво, Козлово, Данилово, Захарово, Масково, Васкино, Алфёрово, Пузиково, Сомово, Котово, Щёткино, Кудрино, Филиппово, Боровки, Манихино, Озерецкое, Свеклино, Микулино, Никоново, Залужье.

И было семейство Лесли приписано к смоленской шляхте, то бишь к смоленскому дворянству. А прежний польский наёмник стал истово защищать землю смоленскую от польских и иных поработителей.

В общем, с марта 1630 года шотландский рыцарь и полковник шведской службы Лесли поступил на русскую военную службу, а при царе Алексее Михайловиче принял российское подданство и перешел со всею семьёю в православие.

И с той самой поры стали рыцари Лесли из Ачинтуля вернейшими вассалами царей Романовых, неизменно с оружием в руках стойко оборонявшими пределы российской империи. Их даже не надо было призывать в трудную для царей минуту – являлись сами и никогда не подвели своего августейшего монарха.

Недаром девиз в гербе Лесли из Ачинтуля звучит так: «Держи крепче». Сохранилась и легенда о происхождении сего девиза. Даю в чрезвычайно сжатом пересказе, полностью опуская детали.

Предание свидетельствует, что основатель шотландского рода Лесли, рыцарь Варфоломей прибыл в Шотландию в свите венгерской принцессы Маргариты, отданной в жены шотландскому королю Малькольму Третьему.

Рыцарь Варфоломей помог своей госпоже, уже ставшей шотландской королевой, перебраться через бурные речные воды, за что получил в герб три стянутые пряжки и девиз «Держи крепче».

И Лесли, став российскими дворянами, таки «держали крепче»! Всегда и неизменно!

* * *

Это всего лишь краткая, скудная справка, но за нею, как представляется, вполне уже вырисовывается образ горячего российского патриота, воина, потомка доблестных шотландских рыцарей.

Сию справку я даю сейчас попутно, ибо просто не в силах удержаться, а настоящий центр данной хроники – фигура подполковника Павла Ивановича Энгельгардта и совершённый им подвиг. Но миновать совсем братьев Лесли совершенно не в моих силах. Однако это именно, увы, всего лишь упоминание, расчистка, так сказать, тропинки для будущих изыскателей.

Летопись наших Лесли, самых первых смоленских ополченцев, ещё только должна быть написана.

Производимая нашими отечественными архивариусами перепечатка разрозненных старых бумаг – это хорошо, конечно, спору нет, но этого, однако же, слишком мало. Недостаточно, господа! Совершенно этого недостаточно!

Необходимо создание подробнейшей летописи смоленского рода Лесли. Надеюсь, что смоляне не подведут и хотя бы в преддверии надвигающейся громкой юбилейной даты начнут создавать нечто фундаментальное в данном отношении. Настоящую Леслиану.

Есть большая и неотложная надоба в появлении истории смоленских и вообще русских Лесли.

Забывать о братьях Лесли и об их самоотверженном, героическом почине было бы нечестно и просто подло, наконец.

Не будем же подлецами! Не будем патриотами на одних только словах! Не забудем о братьях Лесли и об прародителе их рыцаре Александре Лесли из Ачинтуля!

Коли всё сложится благополучно в смиренной жизни моей, и Господь благословит нынешний и будущий труд мой, может, и я самолично (но только, конечно, по окончании жизнеописания подполковника Павла Ивановича Энгельгардта) примусь за подробнейшую историческую роспись шотландско-русского рода Лесли.

Однако заранее никаких обещаний давать не хочу, да и не могу. Надеюсь, что читатели сего труда, ежели они только будут, конечно, поймут меня правильно.

* * *

А покамест ещё предлагаю несколько выписок из вороха леслиевских бумаг, хранящихся до сих пор в имении Станьково – это родовая усадьба российско-шотландского семейства

Лесли, расположенная всего в тридцати пяти верстах от Смоленска по Ельнинскому почтовому тракту.

Между прочим, в своё время деревенька сия принадлежала самому Александру Дмитриевичу Лесли, первому ополченцу 1812 года, первому народному партизану фактически.

Я специально ездил в Станьково, и мне довольно долго пришлось пробыть там. Наде-ялся-то слетать мигом, ан никак не вышло. А пылищи наглотался просто немерено: целую неделю потом чихал без передыху. Ей-Богу! Думал уже, что от этой станьковской пылищи не избавлюсь вовек. Но суть совсем не в этом, конечно.

А дело всё в том, что фамильные бумаги семейства Лесли в Станьково хранятся в довольно-таки большом беспорядке, нумерации нет, описание архива никем до сих пор так и не сделано, но это ещё полбеда. Страшно другое.

Многих листов недостает, а те, что есть, почти все перепутаны, края частенько оборваны или смяты. А есть листы, едва ли не целиком изъеденные жучками, и там можно разобрать лишь отдельные слова.

В общем, моему взору предстала безотрадная картина, несказанно удручившая меня.

Тем не менее, кое-что любопытное, кажется, мне всё же удалось выудить, хотя, наверное, мне ещё не раз придется наведаться в Станьково, дабы как следует покопаться там. Для того чтобы освоиться с тамошними бумагами, надобны сноровка и время. Я уже вполне готов к неизбежному заглатыванию новых порций пыли.

На этом, пожалуй, я и закончу свой экскурс в Леслиану, первый и самый приблизительный, предварительный точнее. Для начала хватит, как я думаю.

Итак, буквально несколько отредактированных мною выписок из станьковского архива, из той его части, что связана с эпохой наполеоновских войн. Не прочитанные слова восстановлены мною строго по смыслу.

Как я надеюсь, выписки сии добавят несколько бесценных штришков к устоявшимся представлениям о партизанской войне в Смоленской губернии в июле-августе 1812 года.

Глава шестая. Ещё о братьях Лесли и партизанской войне 1812 года

Записи из семейного архива смоленского ответвления рода Лесли из Ачинтуля

(несколько извлечений)

*** * ***

Как из всех имений генерала Дмитрия Егоровича и его четырёх сыновей были собраны молодцы, и в Соборе отслужили молебен, то генерал их провожал на битву с захватчиками земли смоленской.

Ополченцы вооружены были очень длинными пиками и саблями. Были ещё мушкеты кавалерийские и несколько пистолетов.

Все верхами на лошадях, и ходили они около Катыни, около Надвы, Рудни и не дошли до Витебска только пять верст, разъезжая по лесам и забирая мародёров.

*** * ***

Вот совершенно реальный случай, записанный Григорием Дмитриевичем Лесли.

Григорий Дмитриевич Лесли приказал казакам взять у мужика овёс. Тот никак не хотел давать – жалко было, и всё тут.

Мужик сей даже лег на копну овса, с коей никак не мог расстаться, лег, широко раскинув руки.

Казаки стали разбирать кругом него овёс, выдирая его из-под мужика большими кло-чьями.

Когда весь почти овёс был уже забран казаками, мужик увидел это, махнул рукой и пошел прочь.

Григорий Дмитриевич, глядя на эту презабавнейшую сценку, тихо и заливисто смеялся.

А через несколько минут мужик уже не тужил совсем и даже сам помогал казакам раз-бирать свой двор, только бы ничего не досталось басурманам.

*** * ***

Один партизан-ветеран (звали его Фёдор Заяц), дворовый человек Александра Лесли, рассказывал следующее:

«Как эти бродяги (то бишь мародёры) придут куда-нибудь в деревню, человек с десять или более, грабить скот или забирать хлеб; как узнаем, отрядят нас человек сорок или сколько нужно, мы обскачем их и, как мы не присяжные солдаты, то не острым концом, а тупым хоро-шенько хватишь басурмана, то он и бросает ружьё, кричит «пардон».

Тогда у них отберут всё оружие и соберут с другими в кучи и погонят плетьюми, как бара-нов.

И ни одного не убили.

И как сдадутся в плен, то уже не обижают их. И так ведь обиженные!

А вот подполковник Энгельгардт, что из Пореченского уезда, рассказывают, в плен живыми никогда никого не брал. Басурманов или топил, или в землю закапывал... живьем, между прочим.

Уж очень лют он был на врага.

Кажись, его можно понять?!»

* * *

Рассказ Петра Дмитриевича Лесли:

«Как-то в охоте за неприятельскими курьерами, отбили мы карету, которая отчаянно быстро летела в главную квартиру Наполеона. Но вместо курьера с депешами мы там обнаружили 18 ящиков с отборными французскими винами. Сии сокровища предназначены были лично императору французов.

Сия добыча досталась нам где-то в сорока верстах от Смоленска. Я под конвоем велел транспортировать в город Белый, который, как известно, французами не был захвачен, а сам отправился далее, по своим партизанским делам.

И что же я узнаю потом? Карета была отбита и разграблена отрядом наших ополченцев, им пришли на «подмогу» и местные мужики, растащившие ящики с винами по своим избам.

Ну, слуханное ли дело? Это вместо того, чтобы мародёров бить и вражеских курьеров ловить?!.

Признаюсь, мне было стыдно».

* * *

Слова одного из участников леслиевского отряда (как видно, бывшего до того приказчиком или управляющим имением у одного из братьев-партизан):

«Собрав необыкновенно скоро людей, молодцов из дворовых и крестьян, братья Лесли вооружили их всех по-конному. Лошади были отменные: почти все господские, своих заводов. Из Копыревщины Егор Дмитриевич Лесли прислал чудных лошадок, истинно боевых, горячих. А также Апухтин Александр Петрович, женатый на Елизавете Дмитриевне Лесли, из Сельца Иванова, близ Ельни доставил по-настоящему роскошных коней – у них там заводик свой, и преотличный, скажу я вам. Люди в отряд в ополчение шли служить с удовольствием к своим господам, которые оставались их начальниками. Они не были замучены рекрутским приемом в присутствии, где их раздевали донага. И готовы были в полной мере защищать Отечество от нахлынувших врагов-басурман, нехристей, как они сами перетолковывали, хотя им иначе объясняли. Присоединясь к отступавшей армии около Лядов, побыв в сражении около Красного и Гусинова, они отступали с армией на Москву, но при этом подчинялись такому господам своим – братьям Лесли».

* * *

Рассказ дворовой девки из села Станьково, принадлежавшего Александру Дмитриевичу Лесли:

«Барин наш Лександр Дмитрич забрал мужиков, самых молодых да спорых, и пошел басурмана бить. От них долгонько ничего не известно было.

Уже вроде басурманы эти, нехристи поганые побёгли, слава Господу. А наших нет, как нет. Мы уж думали порешили их насмерть враги земли русской. А нет: все возвратились потом.

Так и жило всё наше Станьково, в горестном страхе да неуверенности.

Пришли раз казаки Платова, и у нас на селе заночевали, а он сам остался в доме священника. И ещё на следующий день остались. Особливо все станьковские девки казакам были рады, что мочи нет, горячие они, казаки-то. Задержались, короче, в Станькове, и не пожалели, никто не пожалел.

Стали тут басурманы чрез реку на лошадах своих переправляться, со всем ворованным скарбом своим. Казаки на них налетели, да всех и захватили: кого побили, кто в реке утоп, а кого и в полон взяли!

Всё добро, басурманами захваченное, теперь казакам досталось.

А добра-то было! Видимо-невидимо! И крикнули нам казаки: «Берите!» Как сами уж набрали, а девать было некуда.

Лошадки их насилу шли, так навьючены были.

Прискакал сам атаман Платов, свирепый как черт. Велел у казаков всё отобрать: многие лошадки у казаков от непосильной поклажи были попорчены, сбиты.

Собрал атаман в кучу всё добро, да и попалил, а казаков послал басурманов догонять и сам за ними поскакал. Ужас как строгий! А они дрожали по-страшному пред атаманом своим.

А мы как бросились на добро, да со всех сторон мужики набежали. Как на ярмонку. И глаза разбегаются: не знаем, что брать.

И ещё незадача: брать некуда! Так мы наберем, лучшее в кусты спрячем, и опять за добром!

А многие были догадливы, с возами понаехали. Набрав на воз, за кустами положат, один останется караулить, а другой таскает. Иные куда много набрали, да дорогих вещей!

Ну, мне всё же кой-чего досталось: и колечки, и браслетики всякие, и шелка разные, и шляпки всякими чудесами украшенные. Вот радости-то было!

Мы толечко боялись, что казаки вернутся и вещи назад заберут. Да слава те Господи, не вернулись казаки-то. Видать, атаман Платов дал их потащил – басурманов вконец добивать. Молодец атаман! Вещички нам достались.

Но, конечно, всё припрятать нам пришлось, когда Александр то Дмитрич вернулся. Он насчёт этого строгий больно: отобрал бы всё у нас беспереманно, да ещё к становому приставу снес бы, а нам бы ещё и розог велел всыпать, чтобы впредь неповадно было».

* * *

Рассказ отставного генерал-майора Дмитрия Егоровича Лесли, отца четырёх братьев Лесли (партизан):

«Светлейший князь-то Потёмкин, Григорий Александрович, он же из наших краёв, со Смоленщины. Тут недалеко есть имение Пологи, и принадлежит Богдану Ильичу, родичу Светлейшего.

Как пришёл Бонапарт, господа все из Пологов бежали. А как прогнали французов, вернулись господа в свои Пологи.

Пошли осматривать имение. Стоит потёмкинский мужик и занят молотьбой. Всё чин чинком. Только одет он в роскошную медвежью шубу своего барина.

И состоялся такой вот диалог.

«Чего ж ты господскую шубу взял?»

«Да, нам казали, что панов боле не будет. Ну, а коли вернулись, то вот вам и шуба».

Снял с себя и продолжил молотьбу.

Покладистый мужик оказался.

А вообще, разграблены вещи были у всех, но, возвратясь, многое забрали назад, а многое так и пропало».

* * *

Ещё генерал-майор Дмитрий Егорович Лесли рассказывал, как пришли поляки, забрали весь скот и поели, жалуясь при этом на Наполеона, который не продовольствовал их и предоставлял самим содержать себя, о дворовых и крестьянах, которые побрали и поломали господские вещи, а французы ничего не тронули, и ещё много чего.

* * *

Когда Александр Дмитриевич Лесли, отпартизанив, вернулся в своё родовое имение Копыревщина, то оказалось, что там всё разграблено: господский скот, лошади, хлеб, мебель – одни пустые стены господского дома остались, опустошённые амбары и конюшни. Ей-Богу!

Собрал тогда Александр Дмитриевич крестьян на сходку и стал уговаривать всё возвратить: мебель в дом снести, хлеб ссыпать, скот и лошадей пригнать назад.

Какое там! И слушать не захотели. Уперлись и стояли на своём: знать, мол, ничего не знаем, ничего не ведаем.

Очень долго Александр Дмитриевич с крестьянами мучился, всё хотел урезонить, кончить лаской, добровольно. Но так и не послушались его. И он, блистательно бившийся с французами, уехал, так и не добившись торжества справедливости.

На другой день явился в имение исправник с командой. Опять собрали на сходку всех крестьян, спросили, хотят ли слушаться барина Александра Дмитриевича Лесли. И в очередной раз отказались крестьяне возвращать награбленное...

Как начал исправник пороть без пощады, как отодрали трёх-четырёх порядком, ан и другие тут же сдались.

И начали крестьяне, как миленькие, всё возвращать, и до последней нитки быстренько доставили на место. И даже более того: те, битые исправником и подручными его, никому не дали ничего утаить, на каждого указали, сообщив также, что где припрятано.

* * *

Пётр Дмитриевич Лесли поведал о том, что государь Александр Павлович после 1812 года прислал в Смоленскую губернию огромные денежные суммы для раздачи потерпевшим дворянам, а потом вдруг многие, кому раздача была поручена, оказались подвергнуты следствию и даже самому настоящему уголовному преследованию.

Сам же Пётр Дмитриевич в этом деле был абсолютно чист, а он, кстати, был именно из числа тех, кому также было поручено распределение по губернии компенсационных денег.

В общем, и на сей раз славный род рыцарей Лесли не был опозорен!

* * *

И было тогда совершено ещё одно благодеяние государя Александра Павловича.

Да, благодеяние замечательнейшее, но только осуществить его было совсем непросто. И воспользовались им многие не по заслугам.

По завершении военной компании 1812 года вышло монаршее постановление выдавать бывшим ополченским соединениям зачетные рекрутские квитанции, дабы восстановить понесённые ими расходы.

И что же?! Братьям Лесли поначалу никак не хотели давать сии квитанции, ибо их партизанский отряд был сформирован ещё до воззвания государя о созыве ополчений.

А Лесли и не хотели требовать для себя никаких вознаграждений, хотя они в отличие от многих других устроили и вооружили отряд за свой собственный счёт. И это в то время как многие смоленские помещики да не то, что своих лошадей для армии не хотели отдавать, но даже и корм жалели – приходилось силой реквизировать!

От публикатора и составителя «Старых смоленских хроник»

Однако я забежал несколько вперёд, как водится.

Обширный свод бумаг из семейного архива Лесли (27 огромных папок, старых, давно распolzшихся, а многие бумаги скомканы и существуют вне папок, как бы сами по себе) – в основном это дневники и разного рода мемуарные записи – ещё ждет своих публикаторов и исследователей.

Пока что из сего архива отбирались для печати всякого рода мелочи, хотя совсем и не безынтересные, конечно; мелочи ведь непростые, исторические. Кажется в сем году, юбилейном, как известно, что-то должно появиться как будто в сборнике «Смоленская старина». Но это опять же будут всего лишь извлечения, никак не более.

Бумаги рода смоленского Лесли, без сомнения, надобно издавать целиком, как единый комплекс, но это дело будущего, и неблизкого совсем будущего.

Бумаг-то семейного архива буквально мириады. Дабы справиться со всем этим, понадобятся целые десятилетия. А за это время с семейным архивом может, увы, произойти что угодно (прости Господи!), ибо хранится он в деревянном флигельке, примыкающем к господскому дому в поместье Станьково.

А теперь возвращаемся всё же к тем дням, когда, собственно, и начиналось партизанское движение на смоленской земле, к июлю 1812, а именно к 11 числу того рубежного во многих отношениях месяца.

То был день начала партизанской войны. Но на самом-то деле я попробую не столько самое начало партизанских действий сейчас описывать, сколько попытаюсь присмотреться к личности Павла Ивановича Энгельгардта и расскажу ещё поподробнее об его поместье Дяги-лево. Это всё крайне важно в рамках настоящей хроники.

С. М.

г. Смоленск.

Май 1912 года.

Глава седьмая. 11 июля

Уездный предводитель Пореченского уезда Алексей Баранцев, завершив в Смоленске все свои неотложные дела, возвращался, наконец-то, домой, в родное Поречье. Как и было уговорено, с собою прихватил он Павла Энгельгардта, пореченского помещика, землевладельца хоть и не богатого, но личность весомую во всех отношениях.

В дороге, проезжая мимо бесчисленных топей, озер, лесов, как правило заболоченных, говорили они исключительно о движущихся прямо, как сказывал на днях губернатор, на Поречье основных силах проклятого Бонапарта.

Предводитель Баранцев при содействии Пореченского городничего Амболевского уже почти что набрал свой отряд добровольцев. Состоял он из нескольких дворян, представителей мелкой шляхты, но в основном из пореченских исправников, квартальных надзирателей и рядовых полицейских чинов. Наиболее же крупные пореченские помещики, как рассказал предводитель, зарыв в тайных местах столовое серебро и фамильные драгоценности, в основном уже преспокойненько обретались в соседних губерниях.

Вот случай, один из многих.

Помещик Лутковский, когда приближались французы, взял своего преданного старосту и с ним, уложив серебро и другие ценные вещи, отправился в лес. Зарыли. Лутковский уехал в безопасные губернии. Когда пришли французы в его имение, кто-то из дворовых велел передать им чрез переводчика: «Староста с барином закапывали в лесу серебро и прочее». Французы стали допрашивать старосту, бить, мучить. Сперва он отговаривался в несправедливости этого показания, а потом, когда его стали уличать доноски, сказал: «Хотя и заливал с барином клад, но не помню – где». Его изверги стали ещё более мучить, пытая, где клад. Но он молчал, отпирался беспамятством. Староста так и не открыл неприятелю истины. Лутковский, когда война кончилась, возвратился и нашёл все свои сокровища. Такая вот история.

А теперь вернёмся к поездке из Смоленска в Поречье, состоявшейся 11 июля 1812 года.

Говоря о необходимости сопротивления, которое надобно оказать грозному захватчику, Баранцев поведал Павлу Ивановичу о том, что пореченский мещанин Минченков из поречан простого звания набирает всю свой особый отряд. Во двор к сему Минченкову натащили несколько дерев, разрубили, настругали пики, приладили к ним металлические наконечники – и смертоносное оружие готово.

Сам же предводитель настоятельно звал Энгельгардта приписаться к своим добровольцам, дабы потом совместно действовать супротив французов: «Иди ко мне. Сообщи и будем лупцевать супостата! Ох, и достанется ему от нас!»

На что Павел Иванович отвечал: «Да стар я уже (а шёл ему 38-й год), любезный мой, чтобы подчиняться кому-то ни было. Так что буду уж сам со своими ребятами бить французов. Пусть они только попробуют подступиться к моему Дягилеву! Поверь уж, пощады им от меня не будет!»

В Поречье был как раз базарный день. И Баранцев высадил Энгельгардта за рынком, недалеко от пристани и старой заброшенной таможни, где при Екатерине Великой брали пошлину с барок, плывших в Рижский порт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.